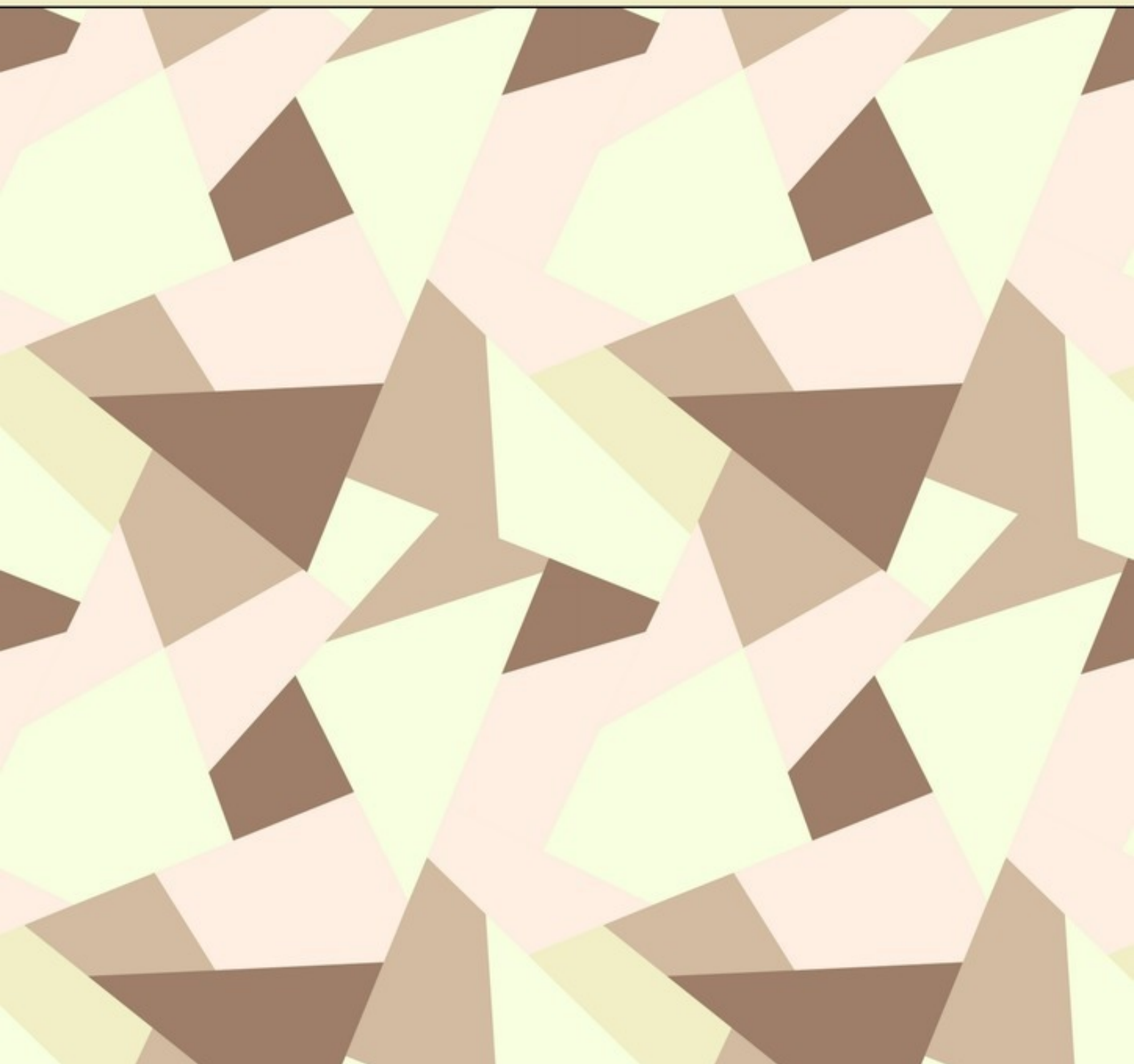

Галина Болтрамун

Стихотворения

Галина Болтрамун
Стихотворения

«Издательские решения»

Болтрамун Г.

Стихотворения / Г. Болтрамун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836871-4

Современная философская поэзия. Стихи-размышления, мотивы эсхатологии, скептицизма, эклектики. Лирика. Картины субъективного восприятия и настроенческие зарисовки.

ISBN 978-5-44-836871-4

© Болтрамун Г.
© Издательские решения

Содержание

Дороги	7
Эльдорадо	8
«Ночь. Макраме легендарности...»	9
Башня	10
Сюрреальность	12
Пилигримы	13
«С циклопическим профилем тень на стене...»	14
Волхвы	15
Гамлетовский мотив	16
Потаенный сад	17
Ночные картинки	18
Скифы	19
«Сокровенно молчат на санскрите...»	20
«Совместимость души...»	21
Преступник	22
«Дико выросшие проценты...»	23
Игра	24
Поэмы	25
Странник	26
Сад камней	27
Аутсайдер	28
«Больной суеты опрометчивые перспективы...»	30
«За чертой горизонта повышена плотность безмолвий...»	31
Чуждый всадник	32
Вечер	33
«Необоримой языческой мглюю...»	34
Как всегда	35
Гибель культуры	36
Эвридика – Орфею	37
Альфа и омега	38
Пустота	39
Варварство	40
Логос	41
Родина	42
«Аморфные тени на склонах растут...»	43
«Протуберанцам периода полураспада...»	44
Блик	45
«У Арлекина расшатаны мужество, пафос и совесть...»	46
Свечи	47
Пленник Земли	49
Цикл «Тоска по истине»	50
Тоска по истине	50
Меня судит бродячий философ	51
«На пороге глубоких истин...»	52
Отрицание отрицания	53
Ничто	54

Знание и незнание	55
О диалектике	56
«Между актами фарса, трагедий ...»	57
«Я стою на позиции силы...»	58
Беспредметные знаки	59
«Все отдано силе драконьей...»	60
Цикл «Ницше»	61
Ницше	61
«Отодвигая объекты...»	62
Сверхчеловек	63
Так говорил Заратустра	64
«По краю судьбы силуэты прошли...»	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Стихотворения Галина Болтрамун

© Галина Болтрамун, 2017

ISBN 978-5-4483-6871-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дороги

Дороги лежат на планете
Как важнейший ее атрибут,
То представлятся в ложном свете,
То на выселки истин ведут;

Даже если исповедимы,
Сохраняют такой поворот,
За которым страшат пантомимы
Забродивших долгот и широт.

На обочинах – кожа и кости
В спешке раздевшихся душ,
Отпечатки когтей алконоста,
Лучевой несрываемый куш;

А еще изумруды, осколки
Сокровенных мечей и корон,
Мишура повседневного толка
И белых ворон моцион;

А еще молодые фантомы
(отпрыски давних химер),
Землепашеских полдней истома
И реликты чумы и холер.

Спешащих за лучшей долей
Туда, где их нет, не счесть;
И каждый ходок поневоле
Окажется там, где он есть.

Заметают снега и хамсины
Аритмию экстазов и слез,
На привалах вещают мессии,
Прилагая к ответу вопрос.

Указатели в райские кущи
Продает сотворенный кумир.
А дороги осияют идущих
По евангелью черных дыр.

Эльдорадо

В узловом месте пуге воздвигнутое Эльдорадо
Осенил, геной памятью взвезанный, флаг Атлантиды.
Опоясали благо-страну предпосылки торнадо
И в никуда уводящие всех чужаков лабиринты.

Подтачивая капитальных конструкций опоры,
Облучает державы воздушного замка отрада.
Куда бы ни плыли корветы, фелюги, линкоры,
Штурвалы тайком корректируют курс – в Эльдорадо.

На подступах медно гудят, извиваются грезы,
Когда заблестают сквозь дымные бризы и кризы
На поворотливых шпилях созвездий занозы
И от смертного льда феерические антифризы.

Насыщенный воздух приучен по мере вторжений
Создавать поступательные и витые преграды.
Шоком отхлестанные неудачи джентльмены
В новый рейд агитируют то свояков, то армады.

Побежденной алхимии мазь, эликсиры и камни
Философские не растеряли былого запала,
В коренной алгоритм разветвляющихся исканий
Вносят посильную лепту заклятых кристаллов.

Трезвый рассудок, задействовав инструментарий,
Бешено опровергает наличие икс-континента
И счищает, краснея, научную смесь с радара
Нелогично живой неестественности компоненты.

Сорвутся, достигнув беспочвенности в месте пуге,
Грузные рельсы, фарватеры иль автострада.
Каждый путник окажется на изначальном распутье
И выйдет в тираж – всенародный муляж Эльдорадо.

Башня

В апостольской позе на фоне модерна
Короной в зенит упирается башня,
В ее красноречии – плач Агасфера,
Османских послов грозовые демарши.

В расщелинах кладки – седые бациллы,
Большие Медведицы микрогалактик.
За ржавой решеткою чахли сивиллы,
Угасал аравийских апорий фанатик.

Когда в затемненных объемах эфира
Блистают потеки астральных эссенций,
На фресках истертых мигают кумиры,
Маневрируют алчных армад отщепенцы.

В полдневной жаре утихает зыбучесть
Реалий с клеймом вавилонского плена,
Башня свои многомерные кручи
Вводит с огнем золотым в зацепленье.

На праздник языческий можно подслушать
Помпейских бродяг эксцентричные пульсы,
Их нежить фольклорная нежит и душит
В угаре наивных фрейдистских искусств.

На лестницах маются грезы, вердикты,
Иные греховных динамик форматы;
Надтреснутая светотень Эвридики
Пресуществляет Орфея-мутанта.

Точит усталость каркас и фундамент,
А корни стремятся в глухую кромешность —
Зачерпнуть эликсира, руды, амальгамы
И яро лечить свою шаткую внешность.

Несмотря на кипучее суперлекарство,
В меднокаменном теле ползут метастазы,
На венецианских лубочных пилястрах —
Очевидности месопотамского сглаза.

Башня – стан, резиденция гибельных сутей,
Плацдармы законов и ненормативов,
Засада, куда постепенно стекутся
Космогоний, агоний, огней перспективы.

Каждой башне когда-то положено рухнуть,
Все величины трехмерности – мнимы.
Зря старуха Земля над своею прорухой
Поправляет пуды фарисейского грима.

Пилигримы

Умываясь погодой, идут пилигримы,
Влекумы патетикой вещей примет,
Неведомой жилкой в подошвах гонимы;
И сходят границы и вехи на нет.

Лотос им гладит зрачки желтизною,
Что отстоялась под веками будд,
На сплаве горячки и грезы – припои
Неископаемых сущностных руд.

В дымке наследия, мер и деструкций,
В лучах вифлеемско-тибетской звезды
Бредут пилигримы, мечты не сдаются,
А тьма Вельзевула их лижет следы.

Вдоль дорог – то улики дерзания музыки,
То высокоумных стратегий капкан,
Разноцветные ноты цветочного блюза,
Праздники хвои, глинтвейн и орган.

Из чащобы иллюзий и ассоциаций
Выводит на свет потайная свирель,
И рушатся цепи древнейших заклиний
И цепные реакции всех биосфер.

Идут пилигримы, котомки ветшают,
Молодеет в очах фосфорический блеск.
Чертит за каждым достигнутым краем
Новый маршрут указующий перст.

Первопричинных напутствий лексемы
Колышет всегда отдаленный бархан.
Идут пилигримы от яблонь Эдема
К Дереву Жизни по смертным грехам.

«С циклопическим профилем тень на стене...»

С циклопическим профилем тень на стене
Знает нечто несправедное обо мне.

Тот, кто мое бытие не простил,
Шлифует презумпций виновности стиль.

Запечатано каверзной тьмою окно,
Мне ею насильственно что-то дано.

Задатки, что спали в ментальном тылу,
Самореализуются в пятом углу.

Стынет библейский белеющий лист,
Там пытался отметить гимнософист,

Там зря похвалялся Синдбад-Мореход,
И, видимо, мой наступает черед.

Я, конечно, рискну (за удачу сочту)
Потревожить неписаную чистоту.

Возражает горбатая тень на стене,
Смешав небылицы и быль обо мне.

В кредо мое под кипение струн
Вводится крайне сомнительный пункт.

Но в тень, что порочность мою берегла,
Уже целятся копьё багряные Ра.

ВОЛХВЫ

Волхвы наступали на пасти рептилий,
Сживая со свету горячечный яд,
Волхвы рисовали проекты идиллий,
Исполнив над *tabula rasa* обряд.

Сон-трава окликала впотьмах мандрагору,
Алконосты и совы – чужих вещунов,
А ветра приносили «*memento mori*»
С семи величайших на свете холмов.

Волхвы у огня собирались погреться
После долгих стояний у горных святынь,
Там ярое око точило им сердце,
Где жили прекрасные лики княгинь.

Заостряли оскалы зубчатые башни,
Хрипели фундаменты плах, крепостей,
В купальскую ночь выростали на пашне
Молодые хребты из зарытых костей.

Волхвы, отправляясь на битву с цунами,
Не всегда понимали с чего начинать,
Худо-бедно сводили концы с неконцами
И на злые уста налагали печать.

Когда во взаимных обменах реалий
Случался внезапный загадочный сбой,
К каждой близи бежали далекие дали
Постоять за свои идеалы горой.

Волхвы заклинали кошмары столетий,
Изводили рогато-чреватый гибрид,
На досуге вбирали в состав интеллекта
Идиомы атлантов и кариатид.

Гамлетовский мотив

В полнолуние реликты, боля, кровят,
Становятся к неизлечимостям в ряд.

Сходный с патетикой язв лейтмотив
Проходит по жилам ночных перспектив.

Жалок сомнительный новый почин
Застарелых и слепнувших первопричин.

Каждый, сбивчиво не попадая в струю,
Задается вопросом: на том ли стою?

Придется панический вывод принять —
Что душно и не на чем больше стоять.

Предчувствует хитросплетенный баланс
Праведных круглых полей ренессанс.

Пешки жертвуют самость на благо ферзя,
Так их затупила, формуя, фреза.

Воздвигая картины идиллий, мольберт
Сохраняет в основе подлог-трафарет.

Каждый, зная себя по верхам, наобум,
Утешается: «cogito, ergo sum».

Горячейной мглой обливается мысль,
С ней немислимости неизбежно стряслись.

На птичьих правах обитает аскет,
Храня в заповеданность волчий билет.

В брешах, пронзивших убыточный быт,
Бесчеловечность идей шелестит.

Ничейные правды меняют маршрут,
Соблюдая ничейности твердый статут.

То, что далось себя так породить,
Жует западня между быть и не быть.

Потаенный сад

Там цветочные грезы буравит пчелиное жало,
Тепловое крещение лечит с грехом пополам
Медовые раны. Колышется радуга на пьедестале —
Гармонии вод кочевой митингующий шарм.

В дымке июня роятся клубы переливчатых истин,
Избегают входить в парадигмы седых тропосфер,
А под инеем всем безразлично, куда кто зачислен,
Грациозно светла неподвижность озимых манер.

Там цветные фонтаны хранят ДНК океана,
Превращаются струи в подобье неистовых струн,
Когда в мареве сдвинется и директивно, обманно
Царским трезубцем помашет латунный Нептун.

На закате кровавятся мрамор и стекла вольера,
Что пустует давно, но в нем воздух опасно дрожит,
И в красном углу золотое перо шестикрылого зверя,
Пока петел не крикнет, в эмульсии лунной лежит.

Там аллеи, сужаясь, впадают в целинные тропы,
Что ведут по ту сторону празднества или добра и зла.
У обочин хранят заболевшую тайну античные гроты,
В щелях – для помазаний инфекционных смола.

Фруктоза сластит шифрограммы Аида, Эдема.
Благолепные радости истово реют с грехом пополам.
Дорога того, кто от всех воплощений отъемлем,
Огибает сколоченный из баснословностей храм.

Ночные картинки

Афинские позы атлантов
Колыхнулись на зов Сирен.
Проповедует на эсперанто
В неоновом сне манекен:

Сентенции не натуральны,
Отливают слегка серебром,
С экземами антиморали.
Превращаются омы в ОМ,

Выделяя флюиды блаженства,
Разделяя с богами эфир.
Из греков в варяги наследство
Олимпа несет Сатир.

Теолог забыл вещей тезис,
И десятки готических игл
Колют совесть его. А генезис
Нагнетает напевы Лилит.

Каракули позелененья
На металле эпических лат
Обету, что выполнен чернью,
Нежелательное говорят...

Гейзер Кастальский, глетчер
Алхимии не успевают
Впотьмах заключить пари.
Увядают неона свечи,
Атланты к Сократу взывают,
И, клеймя манекена плечи,
Восходит диктат зари.

Скифы

Розовеют следы заблудившихся джиннов и грифов
на темнеющих склонах, озерах, остывшей золе.
Над шатрами летают во сне баснословные скифы,
стремятся из гуц кабалы – на стезю к каббале.

У проселочных идолов – гнев и морщины на лицах,
на торсах – отметины вьюг, фимиама, хрущей,
даже горбики вышних субстанций грозят развалиться
по занимательной логике здешних вещей.

Камни хранят в микропорах скупые остатки
твердокаменной эры и гулких железных эпох,
а к шершавой поверхности эпидемический, сладкий
ошметок османских пиров инфантильно присох.

Татуировки трепещут на коже с оттенком олифы,
нарастает монист, амулетов, узорчатой утвари звон.
Отрешась от сновидческих грез, баснословные скифы
у грозных наскальных фигур отбивают поклон.

Солнце – куратор в тенетах вселенской интриги —
ниспошлет прописное количество энергетических мин.
И стрелы взметнутся, и кони пожар перепрыгнут...
В капище пресуществится под язвами адреналин.

«Сокровенно молчат на санскрите...»

Сокровенно молчат на санскрите
Брахманы, их сателлиты,
Знаменуя маститость элиты.

За пыльным шербатым углом
Продажный пигмей или гном
Демонстрирует свой Рубикон.

Вдохновенно молчат на латыни
Над собором Петра серафимы,
Знаменуя «вовсеки и ныне».

В таверне мерцает софит,
В дыму возле кариатид
Гладиатора профиль висит.

Дерзновенно молчат на жаргоне,
Рожденье зажав, эмбрионы,
Знаменуя спасенья бутоны.

От Адама копящийся прах
Взывает, в сернистых слезах,
К отмщенью на всех языках.

Преступник

Переступаю любовь и коварство отчизны,
Все свое контрабандой в чужой монастырь заношу.
Посох – смычок заразительного экстремизма —
Осязает подшитый блуждающей блажью маршрут.

Стальным соловьем заливается рупор имперский.
Белых ворон вдалеке лебединая песнь.
В «Тайную вечерю» на знаменитейшей фреске
Вхожу, чтобы переиначить духовную взвесь.

Самую суть верноподданных догм и канонов
Отдаю трудовому оккамовскому ножу,
Выворачиваю наизнанку гербы, эталоны,
Их неприглядности мировоззрению преподношу.

Превышаю лимиты и скорости самопознания,
Клином Ничто выбиваю ничтожности клин.
На истом пути бесконечного предначертанья
Мелькают сезонные пятна условных кончин.

Меж готических шпилей бушуют святые интриги,
Форс-мажор пеленает улыбочное естество,
Возле Фауста остановились прекрасные миги,
Дремлют в искусственном, нетиповом статус-кво.

В сообществе с Дао на что-то в себе наступаю,
Тревожно пульсирует то, что нельзя беречь.
Меж пороками сердца и зовами крови петляя,
За иголками совести тянется нервная нить.

«Дико выросшие проценты...»

Дико выросшие проценты
И прижимистые дивиденды
Вносят в лихо свой траченный фунт;
Напыщенные постулаты,
Преподобия сертификаты
Тем же миром помазаны, лгут.

Над театром абсурда-психоза
Примадонною Долороса
Поднимается черный штандарт.
Любви треугольник на сцене
Юлит в утопической пене,
Обращается в черный квадрат.

В медных чертогах колосса
Стальной прототип Барбароссы —
Во главе оловянных солдат.
В слезной жидкости супервандала —
Безлюдных открытий накалы,
Сверхлюдских истерий конденсат.

В небе шарящие искусства
Сублимируют резь от укусов
Клыкасто-хвостатых комет.
Зверь, что рушит души ренессансы,
Имеет немалые шансы
И с каждой душой тет-а-тет.

Игра

Владыка маеты – тиран и шут —
Казнит и милует по липовому праву,
Внезапно рвет накатанный маршрут,
Поменяв коней на переправе.

В моменты переломные горят
Факелы дебютных оппозиций;
Кесаря слепой электорат
Очередною пифией снабдится.

Переменные, измену утаив,
Поднимут боевые транспаранты,
Куда вольют обманно лейтмотив
Извечные-увечные константы.

Стихийных реформаторов хмелят
Азбучных святыней перекосы,
Неписанный обветренный формат
Заблудших иноверческих колоссов.

Тени в красно-розовых рубцах
Закатных собираются на вече.
Колеблются в сиреневых дымах
То бисер для игры, то мат и шах,
То, расщепляя атомы в руках,
Новейший Игроман Предтеча.

Поэмы

Верхние ноты берут возле рухнувших стел ренессансы,
Там же басит заунывный гобой декадентской мглы.
Выходят крылатые звери невиданного окраса
Из больных сновидений и плавают в звездной пыли.

На жемчужном болоте скитается в полночь поэма,
Рассыпает эклектику миссионерских цариц-лебедей;
Флюиды их яркой ментально-сакральной экземы
Пробирают безмозглую нечисть до мозга костей.

Фасады реалий эффектно украшены и непрозрачны.
Подоплеку явлений не вскроет консилиум линз,
Точек зренья, заочности. К общей большой задаче
Добавляется микроскопичных мутаций каприз.

Оседают на скорбных пристанищах блестки Селены,
Сгустки горячего хаоса – злых провозвестников шлейф.
И снова на яшмовой топи содействуют скрипке поэмы,
Шествует мерно гекзаметр – титанствующий корифей.

Уникальны разгары красот на помпейских руинах.
Высказавшись, почивает на кесарских лаврах латынь.
Патологию ценностей, для возрожденья хранимых,
Маскирует изящно поэтика рукописей и лепнин.

Много варварства вымыли из населения римские
термы,
Но в сплетении солнечном – ржа первозданной поры.
Жонглируя высокопарностью, вновь воспевают поэмы
Дивность развалин, где маялись все колы и дворы.

Странник

Я путник, я странник на странной Земле,
Еду в Ауди, Тойоте, Пежо, Шевроле,
Бреду по касательной или косой
В унтах, мокалинах, лаптях иль босой.

Вечность руль мой на Млечный наставила Путь,
Суета зазывает в беспутство свернуть.
Нося на челе той и этой печать,
Несусь «исключенное третье» искать.

Километры летят, как когда-то Икар,
Маневрируя в шоу, огибая кошмар.
Имея вполне адекватный резон,
Отрицает возможность движенья Пиррон.

Как бы там ни было, ветры гудят,
Столбов верстовых охмеляет парад,
Поднимается патриархальный шлагбаум,
Pater noster течет по горячим губам.

Я путник, я странник на странной Земле,
Вечный двигатель выкупил для Шевроле
В салоне подержанных Эльфом химер.
Не смейся, Пиррон. Я чудной землемер.

Мои результаты – и смех и грех,
Но радует безрезультатный успех.

Сад камней

Окаймлен малахитовой дымкою сад камней,
Минеральные прелести выше ума и морали,
Светозарные, нежные шелесты все страшней
Чередуются с фазами сумрачного замиранья.

Поседевшие мхи розовеют в экссесах тепла,
Золотистая сыпь напрягает расщелины почвы.
Святыню, что в ярости засух сгорела дотла,
Отражают реликтовых яшмовых идолов очи.

Для путника здесь центробежной горячки ток
Сгенерирует музыку Родины обетованной,
Беспрецедентный по мощи, шикарный подлог
Предметов любви, песнопения, гигантоманий.

Приступы неги дарует ландшафтный яд,
Неразборчиво имя за ортодоксальным Ave;
Магнитные бури – на службе стихийных блокад,
Магнитное поле – в цепи сокровенной облавы.

Блюда твердокаменный (вкупе железный) устав,
На выход не всем открывается чудо-ограда...
Окаменеют вопрос и мольба на устах,
И не останется камня на камне от сада.

Аутсайдер

Стороны света
 заполнены красным каленьем,
черными тромбами,
 нотами месс и сирен.
За столбом пограничным
 державного столпотворенья
стоит не-именье
 держашегося в стороне.
По аллеям безлюдья
 торжественные променады;
аварийные мысли
 невиданным цветом цветут,
а мозга костей
 обязательные форматы
выявляют в себе
 неформально пустой атрибут.
У этой планиды —
 иные предвестья и гимны,
другие октавы
 берет неприкаянный смех,
и логос выходит
 бездомным, не хрестоматийным
из ломаных рядоположностей
 альф и омег.
В значеньях любых
 превалируют античастицы,
пафос беспочвенности
 в тишине распростерт,
лень не всегда позволяет
 уму изумиться,
когда от излишества времени
 грянет цейтнот.
Отвергает любовь
 добровольная робинзонада,
приложимость к себе
 общезначимых пут-аксиом.
Надобностей эпохальных
 здесь нет и не надо.
Нечто из всякой статистики
 тут ни при чем.
Залетный сквозняк
 обдувает разгар медитаций.
Без адвоката
 вершится крутой самосуд.
Жажда духовная,

не принимая эрзацы,
упоает на истый,
мертвящий дыханье сосуд.

«Больной суеты опрометчивые перспективы...»

Больной суеты опрометчивые перспективы
Нарываются на голубеющей статики диво.

Корпускулы легкой ментальности тают в погоде.
Начеку летописец. Курок миротворца – на взводе.

Пожелтевшая классика вечнозеленого Рима
На камнях Колизея разыгрывает пантомимы;

А вокруг, вырываясь из неисцелимости люда,
Жизнь на латыни кричит, что она не отсюда.

И вновь, разогнавшись, вонзают себя перспективы
В пустопорожние, декоративные сини разливы.

В нежных восходах летит всех имен соименник.
В ярких закатах стоит всех эпох современник.

«За чертой горизонта повышена плотность безмолвий...»

За чертой горизонта повышена плотность безмолвий,
соотнесится с беспрецедентностью дальний обрыв.
Опрометчивый отблеск двенадцатого измеренья
красит белые флаги сверх- и дочеловеческих армий,
что сдались, уповая на милость, одной из пустот.
Нет воздуха, почвы, воды и слепой эйфории,
что разжигала инстинкт размножения плоти,
и противоборства, что двигало плоть на плоть.
Силлогистика и откровенья в едином порыве
застыли бесповоротно, давно укрошенные высью,
которая застит безмерность Его одинокого счастья.
У горизонта стою, польщена приглашением бездны.
За ширмой багрянца – до Бога все также еще далеко;
и, может, никто никогда не увидит престола Его,
а кровь со слезами и макро- и микрогалактик
стекут в расщепленья и мнимость своих пространств.
Любой экземпляр, от нуля отделившаяся единица
Божьего алчет. От алчности сгинет, второе дыханье
открыв для возможных неведомых пресуществлений.
По ту сторону неба – инаковость жуткая. Может, она
еще безнадежней кислородозависимого прозябанья,
а бездомная мука сошедших с орбит Иисусов
и нирванное счастье безликих надзвездных Будд
перебродят и выпьются Им учрежденною жаждой
в бесконечной дали от Его одинокого счастья.

Чуждый всадник

Мрачный всадник на черном коне
оставляет следы на озерах,
каплю в море, мазок на стене,
что видятся лишь априори.

Из былин, небывалость ища,
убывают в несбыточность рати;
странный луч шевелится в мощах,
вдохновляется Бога (ли?) ради.

Бегло рыцарю вводит заря
дозы собственной розовой крови,
в иды адского календаря
нимбы красят его изголовье.

В конской гриве извечность пылит,
вековую увечность пугает;
а подков дальнобойный магнит
соль земли на оси опресняет.

Бледный витязь в родимом пятне
ощущает позыв не-рожденья
и своей нерожденной родне
обещает вернуться из плена.

Всадник жаждет напутствий того,
кто его, приземлив, окрыляет.
Млечный Путь разомкнул статус-кво,
его тропы к себе приближая;
все летучей плаща вещество,
оживают сегменты регалий...

«Необоримой языческой мглою...»

Необоримой языческой мглою
дышит Кастальский родник;
в октавы и многоголосье недоли
вздых нибелунга проник.

Хрестоматийные дети тумана —
бездетны у дивной горы,
к которой сбегаются меридианы,
спасаясь от войн и жары.

Перепоясанный радугой гуру,
научившись ходить по волнам,
фосфоресцирует в пенном ажуре,
мечет бисер даосский китам.

Бледно горит в катакомбе лампада,
карнавальная маска в углу,
стекает с купели слеза конденсата
в еретическую пиалу.

Ленты, накидки с танцовщиц султана
снимают в мечтах визири...
И все – эфемерные дети тумана
у неаутентичной горы.

Как всегда

Проникая в плющи, архаичные щели,
Колобродил в округе закат,
Окрыленные пятна, зигзаги алели
В безысходности координат.

Заскорузлые корни, забывшие напрочь
Репродуктивности суть,
Примеряли к себе пустоты сверхзадачу
И концептуальную грусть.

За оградой забвенья ржавели пороки
Отстучавших на ветер сердец;
Застил край непочатый иссякшие сроки;
Кафкианских процессов истец

Писал к Соломоновым вето постскриптум
На пергаментях наискосок;
Порывался на зов наваждения скрытно,
Вопреки Ариадне, клубок.

Было все как всегда. На Кумранские свитки
Опускалась хазарская пыль,
Ткался парус иллюзии – с миру по нитке,
Семь футов ложились под киль.

Эвридика – Орфею

У любви, у забот и борьбы
Не бывает посмертной судьбы.
Орфей, исступленье – твой гид
В сочиненный бездарно Аид.

Пешим ходом – в бездонье? Смех!
Наречьем подоблачных вех
Говорю, чтоб тебе донести:
Забудь кожный шелк на кости.

Орфей, тот звереныш не я,
Не лепи из нелепиц меня,
Забудь Эвридику кровей,
Бессонниц, истом. Не жалея,

Не лови наших весен хмель,
Мной не пахнут ни май, ни апрель.
Нет ни жара, ни пульса битья
В статях с выучкой небытия.

Орфей, ты сошел не в Аид —
В котлованы фортуны и планид,
И повлек за собою фантом,
Иллюзий трепещущий ком.

Не рисуй кистью бреда наш край,
Об отраде со мной не мечтай,
Стикс потопит любви паруса,
Новый ноль в Абсолют привнеся.

Помолчи. В трудолюбии слов
Нет подкрашенных небом основ,
А твой белый (чернеющий!) свет
Пробавляется тем, чего нет.

Страсти гложут, стихийно горя,
Те сферы, что с метою «зря».
Не зови меня в свой окоем;
Отряхнул его пеплы Аид,
Где ни в ком ничего не болит.
Тот, кто есть, не бывает вдвоем.

Альфа и омега

Из роковой многозначности альф и омег
Выходят, как джинн из сосуда, латентные темы.
Суесловная карма на пике дешевых утех
Поглаживает против шерсти кумира-тотема.

Светится Имя Пресветлое на вираже
Таких скоростей, что свое позабыли значенье.
Именем этим информационный сюжет
Сопровождает чуму, катаклизмы, сраженья.

Ничего не сумеют за Именем этим узреть
Невольники реинкарнаций, заложники веры.
Единственная под луною не-фикция – смерть —
Служит его воплощений бесчисленных примером.

А если любой (именитый иль нет) имярек
Возжаждет к Высокому Имени чуть причаститься,
Вздыхнут чернокнижные залежи библиотек
И темную весть прошумят нулевые страницы.

Усложняются культы, каноны всеместной игры,
Нагнетает экстаз в алфавиты сладчайшая арфа,
И всех достижений буквально-вокальных разрыв
Свершится под вещее: «Я емь омега и альфа».

Пустота

Пустота все легко вбирает
И оптом, и по частям,
Не имея с того навару,
Зияя по всем осям.

Пустота оприходует нетто
И брутто. В дырявый карман
Ссыплет наветы, заветы
И прочий дурман.

Пустота нивелирует скалы
И скалящийся утес,
Где бризы росой Валгаллы
Торгуют вразнос.

Пустота заметет с поличным
Персон и их персонал;
В общем, не знает приличий,
В целом – провал.

В пустоте не бывает света,
Как не бывает тьмы,
Но много места, и где-то
Ожидаемся мы.

Пустота обнимает махины,
Микроскопичных дельцов.
Может, никто в ней не сгинет,
А будет таков...

Варварство

Орбита Земли, вдруг метнувшись за метеоритом,
зацепилась когда-то за крюк в поднебесных низах.
Артефакты. Бразды мракобесья – в руках эрудитов.
Пегие стопы ликующих магов – на красных углях.

Для расслабления мышц полагается праздник,
бесперый двуногий под модную музыку съест барбекю
из четвероногих косматых. И в стаях, и в братствах —
кто не будет прожеван, тот в собственном сгинет соку.

Мед и прополис подслащивают болевые пороги,
скелеты с улыбкою сфинкса – нетленны в шкафах.
В полнолуние нисходят каскады фантазмов с отрогов,
Шахразаду за шик алогизмов корит падишах.

Утро добавит скупым очертаньям объема и красок,
терпенье и труд, как и водится, все перетрут.
А в очагах обязательной жертвенной встряски
просядет в фатальную неисчерпаемость грунт.

Просквожена фимиамом, экстазом тотема берлога,
у черноликих вождей утопает в гирляндах живот.
Ах, зачем так гремуча в глубинах сердечных изжога
и какая-то память в отрыве от мозга живет?

На перлах природы – печати и штампы натуралиста,
у служителей культа – в бисере и бриллиантах парча.
В жутких проемах искусств еле теплится Божья искра,
а самоспасение самоубийственно жаждет луча.

Логос

Логос играет на вкрадчивой флейте;
когда резки ее виражи,
слетают лоснящиеся соцветья
скоропалительной лжи.

Поэтов изгнал из примерной державы
безжалостно мудрый Платон,
их нанимает по римскому праву
Цезарь воспеть Рубикон.

Термин теряет престиж от нехватки
экзотических ярких заплат,
у психолингвистики – шарм психопатки,
недоверия мятый мандат.

В анналах ломает сюжеты полслова,
литоты смягчают кошмар.
Бесчисленны тайны, замки и покровы;
пуглив откровения жар.

На всех направленьях работают всеу
алфавиты, приносят плоды,
которые, вид соблюдая, пустуют
и ничьей не утешат нужды.

В каком-то начале какое-то слово
вдвигло царства сумы и тюрьмы;
архетипы, берущиеся за основу,
никогда не выходят из тьмы.

Логика логоса температурит,
горячится Оккама кистень.
Злые, чудовищные каламбуры
с фундаментальной карикатурой —
в сносках благих вестей.

Родина

Под глухим колпаком голубого эфира —
Тягостный срок отбывать.
Ловко рубящая по живому секира
Десницею мнит рукоять.

Алеют первичных испугов ожоги
На барельефах руин.
Ответвления от закоренелости йоги
Лукавы, как маг-арлекин.

Эмблем и объектов шумливые орды —
Совокупный бездушья агент,
А за душой – лишь без вида и рода
Аномально родной элемент.

Догматы, соблазны, атаки напастей
И роскошь поддельных призов
Крушит мимолетная молния счастья —
Отобранной Родины зов.

Врывается пламенная недомолвка,
Пронзая небес пустыри,
За коими в вечно живительных скобках
Код моей сути искрит.

«Аморфные тени на склонах растут...»

Аморфные тени на склонах растут,
Надрывают лиловый вечерний уют,

Нагнетая в оптический круговорот
Очковтирательский допинг слепот.

Затяжные разводы зеленой тоски
В малиновом смоге. Сиротства мазки

На цепных пантомимах отрогов и скал.
Сипит поврежденный хорами хорал.

Планида – игру близко к сердцу принять,
На этом споткнуться, на том постоять

И ходить напролом за разумную грань,
Что обратилась от натиска в рвань.

Измельчаются горы могучим перстом —
Намечается финишный аэродром.

Планида – на сердце змею пригревать,
Затем, отрываясь от сердца, взлетать.

«Протуберанцам периода полураспада...»

Протуберанцам периода полураспада
внушает блаженную небыль эон,
грустит о рекордах на эллинских олимпиадах
под аккорды эоловых арф Купидон.

Мощи угасших созданий в кисейном отрепье
бережат эпохального идола лик;
не воздалось им по их увлекательной вере;
свое получает всех вер еретик.

Умножают потомство ходульные стереотипы.
У каждой купели из глуби теней
взвиваются неадекватного праотца хрипы,
не признавшего ни одного из детей.

Кольшутся строгие буквы священных писаний,
слегка святотатствует их разворот.
На солнце до черных глубин раскрылённая рана
как исток откровения не заживет.

На горизонте под шоковые дифирамбы
закрепляется заатмосферный геном.
Убегая из мест, где трубит всесловная амба,
последнее перышко взвил Купидон.

Блик

По насущностям дней пробирается блик,
Вряд ли стезя его исповедима,
Он прошел цитадели, потопы, ледник
И, может, дойдет до Четвертого Рима.

Его Родина – неумолимый огонь,
По ту сторону зла и добра переправа,
Фатальных исчерпанностей перегон
(то ль всеспасение, то ли расправа).

Загадочных марев тончайший ажур
Оседает на глянцы корон, преподобий,
На преступные схемы цепных авантюр
И черствую стать неуклюжих надгробий.

Суховой световых неисчисленных лет
Опыляет юдольные цифры и даты,
И что-то они в себе сводят на нет,
И становятся чем-то безмерно чреватые.

Чудный блик по эпохам и векам идет,
Облучает и правды, и кривды аспекты,
Внедряет в реалии двойственный код
Богов светозарности и конца света.

«У Арлекина расшатаны мужество, пафос и совесть...»

У Арлекина расшатаны мужество, пафос и совесть,
Пружины в суставах звенят и топорщат некстати трико.
Дыханье соборности и искушения – над балаганом,
Но важнее всего рыжеватой наездницы смех-
комплимент.

У Коломбины – духи с поволокой розариев
Семирамиды,
Силлогизмы пьяны и картинно хромают на обе ноги,
В сундуке – небольшие запасы изюма, помад, валидола,
На платье – банты и дурной бесконечности дымный
налет.

Свечи

У землянина двигатель
внутреннего сгоранья
Небесною искрой
легко запускается в ход,
А когда отойдет в эмпиреи
свеча зажиганья,
Свеча восковая
окурит телесный лед.
На короткие сроки
заряжены мании сердца,
Внутривенные страхи,
внутрипозвоночный экстаз,
В линиях левой ладони
змеится наследство
То ли погибших,
то ль не воплотившихся рас.
А атомы плоти
живут по другим законам,
Несут свой невидимый
под микроскопом крест,
Над ними склоняются
крошечные пантеоны
И злобствует
неумолимости тяжеловес.
Супер-Эго боксерскими мышцами
часто играет,
Блокирует вольницу
интуитивных пьянств,
Ангителям
задушевную блажь прививает
И заодно горемычный
телесный нюанс.
Свеча зажиганья
включает то жажды, то песни,
Пока не исчерпан
подкожных резервов лимит.
Свеча похоронная —
самый последний наперсник
Мыслящего тростника,
что уже – неликвид.
Над белого света балами —
все те же свечи.
«Природы венцы» —
ощетинившийся пустоцвет.
И грезится бедным мечтам

И именуется
несусветности светоч,
претенциозно
Тот Свет.

Пленник Земли

Пленник Земли деловит, святотатствует и камлает,
Алгеброю поверяет затопившую выси лазурь;
Наболевшую плоть чем придется спеша залатает
И снова бросается в алчный оскал амбразур.

Хаотичные волны подвижнических настроений
Сменяет пещерного пращура дикий позыв.
На архетипической неизлечимой гангрене —
Нетипичной секретности евангелический гриф.

Рифмуя любовь с беспокойною жидкостью красной,
Обливается ею захваченный эросом мир,
Где у базовых непримиримостей бдит не напрасно,
Углубляя рутинную жажду, оккультный вампир.

Напыщенные просветительские фейерверки
Разъедаются неподконтрольным и чуждым огнем.
Доктрины больны, и окажется в них на поверку
Много того, что мерещится и ни при чем.

На деснице Дающего неопикуемый перстень
Провоцирует у подопечных загадочный стресс.
Пленник под нож отдает своей самости бестий
И вступает свой правотой в кафкианский процесс.

Цикл «Тоска по истине»

Тоска по истине

Рельсы, асфальты, фарватер,
антенны вокзалов и пристаней,
дно пейзажей и черных квадратов
разъедает тоска по истине.

У корней позитивных теорий —
относительности послевкусие.
Зерна истин растут априори,
не пользуясь опыта плюсами.

Из емкостей лабораторных —
дуновения сакраментальные.
В Раскольниковых Родионах
изводится желчь inferнальная.

Окаймляются хмелем сектантским
священных писаний параграфы,
ход орнаментов иконостаса —
с элементами хореографии.

Вновь играют с огнем перепады
температуры эвристики.
Амазонки, мадонны, наяды
разгоняют тоску по истине.

Просветленные в позе Нарцисса
ломают структуры сознания;
в эпицентре таких бенефисов —
столь святости, сколь беснования.

Сердце любит любовь и дурманы,
разум – безумства беспечные.
А душа, культивируя раны,
знает: истина бесчеловечная.

Меня судит бродячий философ

Сверх-Я – этот памятник былой слабости и зависимости Я – сохраняет свою власть и над зрелым Я. Как ребенок вынужден был слушаться своих родителей, так и Я подчиняется категорическому императиву своего Сверх-Я.

З. Фрейд

Сверх-Я бесконечный укор.
Своей меркою каждого судит
Герой, самодержец, призёр —
Вековые фантомы-сверхлюди.

Каждый день совершается суд,
Тяжелеет пристрастие допросов.
Из аллей смысловых альтитуд
Меня судит бродячий философ.

И когда, разгоня сплин,
Уподоблюсь борцам на треках,
Горький взгляд из античных Афин
На моих наслоится веках,

Разверзая в заочность щель, —
Отодвинет тиски злободневность,
И чувственности карамель
Ошпалят Ничто и Вечность.

Просквоженная звучным огнем,
Встрепенется теорий кома,
Когда он увеличит объем
Недомолвленным аксиомам.

А бывает: в тягучий надрыв
Способность суждения ввергнув,
Посылает мне слово-взрыв
Из давнишнего Кенигсберга.

Казуистика партий, плеяд,
Лейтмотив анархистов и боссов
Где-то бьются с рантье об заклад.
Меня судит бродячий философ.

«На пороге глубоких истин...»

*Мелкой истине противостоит ложь,
глубокой истине – такая же глубокая истина.
Н. Бор*

На пороге глубоких истин
Мелким сутям нехорошо,
Их род от всего отчислен,
Что воистину произошло.

Ах, что эта тяжесть ночная
Бескомпромиссно таит,
Эмпирике усугубляя
Наследованный дефицит?

Порой «исключенное третье»
Дичает вдали от дилемм,
С «опять двадцать пять» в секрете
Образовывает тандем.

На уровне мелких смыслов
Изнуряются символы вер.
Кутит верховое «присно»,
Съедая с елеем «теперь».

А сознание кроваво свистнет,
Разбрызгает мозг-чешую,
Попав под глубоких истин
Струю.

Отрицание отрицания

Не жалея подкошенных матриц, не зная греха,
Отрицание отрицания служит большим господам.
Характер вещей не имеет такого штриха,
Который бы не обратился в морщину иль шрам.

Муть поднебесную гложет астральная жуть.
Азы и тузы, обесценившись, думают, как
В Апокалипсис ценности на переплавку стряхнуть
Иль отрицанью сломать многогранный костяк.

Тяготит диалектику мнимостей пляс-карнавал,
Диалектика, злясь, арендует чужой диалект.
Не так со своей колокольни нам Гегель вещал,
Но так тоже прогресс показательно сходит на нет.

Ничто

*Зловец и неприютен гость,
неприютнейший из всех.
М. Хайдеггер*

Когда молнией ужас разрежет сон
И все на мгновение будет не в счет,
Антипод Абсолюта проглянет, он —
Неприютнейший гость, Ничто.

Сердце, взлетев, не узнает свой стук,
Воля отбросит тюремный хитон;
Возжаждет, учуяв цитаты без букв,
Совершить суицид лексикон...

От Ничто отмахнулся приземистый мир,
Предпочитая красу небылиц;
Тушует сверхподлинность черных дыр
Синтетикой Фурий и синих птиц.

Лишь в дальнем углу одиноких дум
Каждая вещь превосходит себя,
Безусловные герцы снуют наобум
По нишам алтарным, отделку губя.

Ничто, блокиратор питающих вен,
Исконный заряд чистоты бытия, —
В подоснове кремирующих гигиен,
В духе гвоздящего мифы гвоздя.

Ученья, прозрев, начинают пустеть.
Расчеты воспитывает неучет.
На пирах Пантеона – тончайшая лесть
Неизбывному гостю Ничто.

Знание и незнание

Знаю: нет солипсизму отпора,
А возможность материй, движенья
Своего доказательства ждет.
Знаю, чем поросли в Заратустре
Изысканности супермена;
Понимаю, что быть под эгидой —
Все равно что расправить зонт.

Не знаю, что жжет подреберье,
Когда стигмы на белой сирени
Имитирует винный закат.
Не знаю, как с моря погода
Акцентирует климат катрена
И чем пустоцвет сорной майи
Волнует мой спорный субстрат.

О диалектике

Переходит количество в качество.
Затянувшийся этот процесс
Украшают фокстрот чудачества,
Симуляции полонез.

Притчи тезисам в ходе саммита
Выражают эстетский укор.
Если к доводам танки подтянуты,
Дама Ника решает спор.

В единении противодействий —
Логистика вольниц, иуд.
В генах гения спит злодейство
Как его запасной атрибут.

Надеяться трудно на качество,
Что мер и весов результат.
Наивно природы ребячество
Культивирует свой суррогат.

Внедрив алтари в диалектику,
Все ищем тот самый икс,
И, как издавна, каждую эврику
Подскажет тот самый сфинкс.

«Между актами фарса, трагедий ...»

Между актами фарса, трагедий —
немного мечты и камланий.
В мозге костей – метасреды,
в надкостнице – опыт закляний.

Идеалы разошлись изрядно
в правозащитных витринах,
головоломные пятна —
под прической голов повинных.

Алчет прока субъект от объекта,
страшает и увещевает,
его малодушия вектор
к душегубству наклон сохраняет.

А менторы душеспасенья
пикантны в разгар вакханалий,
и что-то из телодвижений
проглядывает каннибалье.

Не скажет ни скальпель, ни лира,
где больше размах трагедий:
в глубинном мозгу Шекспира
иль в банальнейшей костоеде.

«Я стою на позиции силы...»

Я стою на позиции силы,
Что мозг расщепляет в ночи,
Изнуряет систем стропила,
Нянчит выводки саранчи.

Я стою на позиции силы,
Что дразнит медовой рекой,
Предвещает то мор, то Мессию
И уводит генезис в отстой.

В ее тупиках – ненастье,
За посолом – удар глухой.
Под вопросом мое соучастье,
И тревога всегда со мной.

Жестокость ее известна,
А цель никогда не видна;
Всему выделяет место —
Жилье без крыши и дна.

На грани разрыва жилы.
Но, вспышки эмоций смирив,
Я стою на позиции силы,
Бот юдоли ведущей на риф.

Беспредметные знаки

Беспредметные знаки, подшитые маревом куш,
опылявших тоску на пути от Эдема к Содому,
проступают на фоне, что каждой эпохе присущ,
в минуты смещения, изгиба, разрыва, надлома.

Это символика не воплощенной страны,
к низкопробности плоти и пикам оплотов ремарки.
Что было когда-то безграмотным культам сродни,
действует как новомодной культуры напарник.

Социальных научных утопий казенный ранжир
запылен демагогией доисторических былей,
а в молельном дыму изъясняется давний кумир,
чередует улыбки ребячливости и рептилий.

Техногенные мышцы отчаянно тщатся замять
экспансию не адекватных прогрессу значений,
а вехи прогресса заочно повернуты вспять,
где первичная глина не тронута для сотворенья.

Беспредметные знаки – эгида, причастие для
грядущих на зов новоявленного Эвереста,
там возводится четырехмерная ввысь колея —
выйти из зоны затоптанности на бесследность.

Первозданность курирует данностей самораспад,
рядом несозданность благоухает блаженством.
Греховных надежд разлетающийся звукоряд
дирижируется с неземными замашками жестом.

«Все отдано силе драконьей...»

Все отдано силе драконьей,
от девичьей белой кожи
до тяжелых дедукций в умах.
В бастионе содружество бестий
вечерами в лекарственных ваннах
заговаривает кошмар.

Единицы различных статистик,
практиканты дремучих нотаций,
звенья родственных уз и цепей
влюблены во все виды неволи
и любовно себя размножают
под сенью поветрий и плах.

Все отдано силе драконьей,
вердикт – безапелляционный.
И все ж – осиянности росчерк...
О Боже, как непостижимы
светосилы Твоих интенций:
не рая, насквозь прожигают
третий глаз и шестое чувство!

Цикл «Ницше»

Ницше

Из мира фальшивых господ и коснеющей черни,
Который под флагами тьмы и бессилья распластан,
Его привели вознесенные злостью ступени
В эмпирии, где он над своими фантомами властен.

Воля рубит очаг, родословное потное древо.
Максимы кормятся кровью, как хищные звери.
О светлые братья – химеры, сподвижники – где вы?
Заратустра в экстазе победно считает потери.

Тернистые плевелы дарит земля, а не зерна
Восставшему, в ком культивирует вечность ожоги,
Кто, сбросив богов со счетов и щита, вероломно,
Не в ногу со всей эволюцией ходит под Богом.

Жестко спрессована доля до мудрости шаткой.
Между строк – ясновиденья и ослепления всхожесть.
Сверхбытие принимает лишь крупные взятки:
Кредо конфессий, инстинкт выживания, совесть.

Белокурая бестия. Пропасти чадо? Зенита?
Стоградусной кровью забрызганы пустоши сердца.
Сверхчеловеческое к нелюдскому прибито.
Какая-то цель оправдала безумие-средство.

«Отодвигая объекты...»

Мужество убивает и головокружение над безднами: а когда человек не стоял над безднами? Разве вообще видеть не значит видеть бездны?

Ф. Ницше

Отодвигая объекты
(ватаги химер),
осязает харизму негаций
герой-глазомер.

Зрачки отбивают атаки
цветастых тел,
волнующую разверстость
берут под прицел.

Втирает очки, рисуясь,
материя-лжец.
Кто нечто, помимо бездны,
видит, – слепец.

Сверхчеловек

Вызревающий в недрах пучин элемент
Исподволь жжет пасторали,
Леденит безголовую гидру газет,
Основы любви и морали.

На костях гуманизма, культур, деспотий
Взойдут молодые чужбины
И то, что предельнейшим злом освятит
Новоявленного господина.

Из круч потешающихся сверхудац
Низринутся молнии копыя,
Истребят обездоленной слабости плач,
Напомаженное преподобье.

Бесследно развеются слезы и прах
Жалких творений из глины,
Этой пыли не будет на глыбах-ногах
Чистоплотнейшего господина.

Где-то в даях уже начинается смех
Над инвалидностью стада,
Споткнувшимся будит кипенье прорех
Бесчеловечная правда.

Переплавится в мелкозернистую муть
Кумиров и фей мешанина
При попытке в сухие глаза заглянуть
Богоборческого господина.

Охмеляются счастьем преступности па
Того плясуна на канате;
Не он, а внизу, распластавшись, толпа
Познает Молоха объятья...

.....
Только безмерность способна быть.
Всё с тремя измереньями сгинет,
Включая орбиты, где мечется прыть
Исключительного господина.

Так говорил Заратустра

Ударные молнии ярко блестят за спиной
титанического диверсанта;
это вас поведет к самопревосхождению герой,
полдневные братья. Воспряньте!

Над ключьями нимбов и плоти поднимется высь,
затихнет большое дыханье.
Пучком дифирамбов ступает янтарная рысь,
вьется шлейф экстремальных миганий.

Гром – адвокат сокрушившего нормы истца,
радуга – путь к обновлению;
каждый смелый за то, что он сын своего отца,
пройдет по ножам к искуплению.

Мечи воли к власти прорвут оборону мольбы.
Лишь огонь домоводство лечит!
Это ваши с изнанки зари выступают гербы,
о братья, исчадья-предтечи.

Закалялись молчание-золото вянущих будд,
серебряный слог златоустов,
когда, разметав человечности утлый сосуд,
так говорил Заратустра.

«По краю судьбы силуэты прошли...»

*Если кто-то слишком долго
смотрит в бездны, то они
отражаются в его глазах.
Ф. Ницше*

По краю судьбы силуэты прошли
И с опаской, и без;
Сильнее стократ притяженья земли
Притяжение бездн.

Кто прорвал слепоту своего естества,
Спешит заглянуть

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.